

На правах рукописи

Сайнаков Николай Александрович

**Личность царя в контексте опричного времени: историографические и методологические аспекты
исследования**

07.00.09 – историография, источниковедение
и методы исторического исследования

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Томск - 2005

Работа выполнена на кафедре истории древнего мира, средних веков и методологии истории исторического факультета

Томского государственного университета

Научный руководитель кандидат исторических наук, доцент
Николаева Ирина Юрьевна

Официальные оппоненты:
доктор исторических наук, профессор
Жеравина Аниса Нурлгаяновна

кандидат исторических наук, доцент
Назаренко Татьяна Юрьевна

Ведущая организация
Кемеровский государственный
университет

Защита состоится 3 июня 2005 г. в 15.00 на заседании диссертационного совета Д 212.267.03 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальностям 07.00.02 – Отечественная история, 07.00.03 – Всеобщая история, 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования при Томском государственном университете (634050, г. Томск, пр. Ленина 36, ауд. 41).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Томского государственного университета.

Автореферат разослан «__» _____ 2005 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук, профессор

О.А. Харусь

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Постановка проблемы исследования и актуальность её решения. Эпоха Ивана Грозного – один из наиболее знаковых периодов в истории России. Именно в это время происходят судьбоносные, с точки зрения большинства историков, события, связанные с формированием государства и властных отношений в целом. Проблемы опричного времени и личности Ивана IV очень рано стали той областью, в которой встречались и болезненно сталкивались различные взгляды на происходившие перемены и на всё дальнейшее развитие русского общества, государства, культуры и самосознания. Историческая наука прошла уже длинный путь, накопив не только огромный эмпирический материал, но и значительный концептуальный ресурс, направленный на осмысление данных явлений. Историография, посвящённая этой эпохе, огромна, разработанность корпуса источников – достаточно хороша. Но неослабевающие дискуссии вокруг многих тем и вопросов к решению проблемы свидетельствует о том, что методологические основания традиционных подходов оказались существенно проблематизируемы. Отсюда – повсеместные попытки использования наработок из иных, смежных дисциплин – филологии, психологии, социологии, семиотики и др.

Появление их - симптом необходимости отладки новых исследовательских стратегий, которые бы давали возможность системной реконструкции мира сознания и эмоций личности в контексте ее социально-исторического бытования. Однако приходится констатировать, что большая часть попыток привлечения знания и методов других дисциплин для решения проблемы, носит интуитивный и бессистемный характер, что ставит вопрос о серьёзном методологическом обосновании такой работы.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования является отечественная историческая литература, посвящённая эпохе Ивана Грозного и непосредственно опричнине. Предмет исследования здесь – историографические и методологические основания исследователей, занимающихся опричниной и характеристикой человеческого и материального контекста того времени.

Степень изученности проблемы.

При всей масштабности исследовательской литературы, посвященной опричнине и Ивану Грозному, специальные исследования историографо-методологического плана редки. Отечественная историография досоветского времени анализировалась Н.К. Михайловским, С.Ф. Платоновым, С.Б. Веселовским. Исследователи считали главными историографическими проблемами фактор субъективности историка и недостаточную разработанность архивных источников. На проблему изучения источников обращали внимание многие советские историки. Конечно, они отмечали методологические недостатки работ «буржуазного» направления, в частности неумение «вскрыть классовую сущность социальных противоречий» и «субъективно-идеалистическую» их направленность. Но методология анализа проблемы не стала предметом особенной рефлексии отечественных исследователей. Для коллег «своего», марксистского лагеря, упреки сводились к акцентированию нестройности их концептуальных построений. Так, например, Д.Н. Альшиц считал, что большая часть «загадок» и недоумений относительно опричнины возникает «как прямой результат искусственной, чисто умозрительной схемы этапов развития самодержавия». Большое внимание в советских историографических работах было уделено идеологическому фактору, оказывающему влияние на историков (А.Л. Хорошкевич, А. Янов, и др.).

С.Н. Богатыреву принадлежит заслуга серьёзного историографо-методологического анализа проблемы создания психологического портрета Ивана Грозного. Отмечая издержки подходов, основывающихся на методологической презумпции – «личность продукт своей эпохи», исследователь пытался обосновать необходимость нового неупрощенного взгляда на личность Грозного в плоскости исследования межличностных связей царя и его окружения. Однако неубедительной представляется позиция автора в той ее части, что данный подход исключает рассмотрение этих взаимоотношений в рамках прежних макроисторических теорий, сложившихся в отечественной науке в советский период. С.Н. Богатырев главную проблему психоистории видит в отсутствии здесь всесторонне разработанной источниковедческой теории. Проведая инвентаризацию выявленных исследователями специфических психологических черт Ивана IV, С.Н. Богатырев не поставил наиболее существенных, с нашей точки зрения, вопросов. Являлись ли выявленные особенности сознания и психики царя исторически обусловленными, была ли связана психосоциальная эволюция личности царя с социально-историческими реалиями эпохи?

В методологически заострённой, новаторской работе Т.Ю. Назаренко, написанной не так давно, главной проблемой изучения опричнины, называется крайняя мифологизированность темы, в связи с её политической важностью. Исходя из посылки недостаточности традиционных исторических интерпретаций опричнины, для понимания личности опричников и царя, Т.Ю. Назаренко не только подняла вопрос о важности исследования подсознательных мотивов в их поведении, но и применила конкретные психоаналитические методики. Однако, как и в исследовании Богатырева вопрос о возможности совмещения ракурса психолого-исторического исследования с теми ресурсами, которые наработаны в рамках макроисторических интерпретаций отечественной науки, рассматривающих опричнину как результат слома удельной системы, борьбы дворянства и боярства и др., не был поставлен.

Последний представляет собой особую значимость, поскольку за ним по сути скрывается более широкая методологическая проблема сопряжения макро- и микроисторического анализа. Существующие в отечественной русистике макроисторические теории, скажем, концепции опричнины как результата борьбы с боярством, необходимости проведения военных или удельных реформ (П.А. Садиков, А.А. Зимин), слома удельной системы (Д.Н. Альшиц), активно критиковались, но практически не анализировались на счёт сегодняшних их перспектив. Критика так или иначе концентрировалась в области проблем, которую можно обозначить как специфика сознания человека той эпохи и личности царя. В основных своих методологических основаниях эта критика представляется

правомерной. Уровень сегодняшних знаний историка о специфике сознания средневекового человека, вряд ли дает основание согласиться, например с следующими концептуальными посылками. Трезвый политический расчёт, а не истерика будто бы обнаружилась в попытке Ивана IV «покинуть царство» (И.И. Полосин). В лице первого царя Ивана Грозного исторический процесс становления русского самодержавия нашёл исполнителя, вполне осознавшего свою историческую миссию (Д.Н. Альшиц). Это был неосуществленный «проект» раздела страны, который «приобрёл уродливую форму опричнины», в основе которой – попытка ослабить, расколоть титулованную знать (Р.Г. Скрынников). Так или иначе, подобного рода посылки содержат в себе ряд допущений, включающих в себя представления о средневековом человеке как носителе классового сознания, выразителе определённых социально-политических интересов, **вполне** осознававшем, свою принадлежность к тому или иному сословию и рационально последовательно выражавшем интересы этого сословия. Однако еще В.О. Ключевский указал на факт отсутствия сколько-нибудь внятной политической программы у царя. Вместе с тем вопрос о том, было ли это связано с конкретно-историческим явлением – личностью самого царя или же отражало некие важные закономерности сознания и психологии человека той эпохи, вопрос логично вырисовывающийся в контексте нынешних знаний о специфике этих явлений, по вполне понятным причинам не мог быть решен.

Практически неисследованным в историографо-методологическом плане оказался большой блок новейшей литературы, так или иначе связанной с характеристикой культурных форм сознания. Возникшая в условиях кризиса нарабатанной традиции исследования опричнины, эта литература фокусируется на изучении сознания человека той эпохи, так, как оно отражено в культурных текстах. Здесь можно выделить две основные методологические тенденции. Первая, выросшая из семиотики (Б.А. Успенский, А.М. Панченко, М.Б. Плеханова, Ю.М. Лотман, А.Н. Гротовский, А.Л. Филюшкин и др.), строится на методологической посылке опосредования логики событий эпохи функционированием определенных культурных механизмов. При всем том, что продуктивность данного подхода очевидна, большинству работ в данном направлении не удастся избежать опасной тенденции, суть которой в представлении сознания человека как практически независимого от политических и социальных причинностей, но попадающего под контроль символических внесознательных механизмов. Этой тенденции можно попытаться избежать, если обратиться к самому моменту появления символов, их связи с динамикой исторической реальности.

В своих методологических основаниях этот блок историографической литературы близок к другому, выросшему в рамках традиции, которую в западной литературе принято именовать «историей идей». До революции наиболее значительные результаты здесь были достигнуты в изучении отношения к царской власти (В. Вальденберг, Д.П. Голохвастов, М. Дьяконов, И.Н. Жданов, В. Савва, В.Сокольский). Методологическая ориентация на представления об исключительной разумности человека той эпохи привела к все тем же издержкам модернизации сознания человека того времени. Близким к «истории идей» осталось такое особое направление современной отечественной русистики как «историческая феноменология» (А.Л. Юрганов и А.В. Каравашкин). Безусловно, сама попытка выявить категории русской культуры того времени, вне контекста которых вряд ли возможен анализ мировидения эпохи, представляется новаторской и перспективной. Органичность рисунка реконструированных авторами, прежде всего А.Л. Юргановым, религиозно-культурных мифологем, скажем, широкого распространения в текстах эсхатологических идей, говорит сама за себя, эта реконструкция обогащает исторический арсенал представлений о «картине мира» Ивана Грозного и опричников. Сложнее другое – природа генезиса реконструированных религиозно-культурных идиологем. Совершенно очевидно, что мир идей не может быть реконструирован вне контекста мира чувств, психической реальности, равно как и вне социоисторического интереса их бытования. А.Л. Юрганов и А.В. Каравашкин являются наиболее жесткими критиками такой методологической ориентации, полагая, что эта психическая реальность не может быть понята и проанализирована историками. Их позиция, несколько утрируя, может быть сведена к тому, что реконструируя реального человека исследователь может ограничиться только тем, что говорит сам человек о себе и других. Неслучайна и авторская характеристика собственного метода как метода «беспредпосылочной герменевтики». Симптоматично, что основной пафос методологической статьи А.Л. Юрганова, опубликованной в журнале «Россия XXI» (№4. 2003г.), направлен преимущественно против исторической антропологии и использования психологического инструментария в истории.

Становится очевидным, что одной из проблем отечественной историографии, посвящённой опричнине, личности царя стала недостаточная разработанность концептуального взгляда на человека прошлого. Представляя его как существо психическое или как лицо социально-политическое (как вариант – идеологическое), историография всякий раз обращается лишь к одной стороне медали, игнорируя противоположную. Отсюда – необходимость поиска методологического инструментария, способного уловить часто опосредованную и неочевидную, но тем более важную связь между внутренним миром человека и тем миром, с которым он взаимодействует.

Цели и задачи исследования. Таким образом, **целью** работы является обоснование подходов, которые бы позволили наметить контуры междисциплинарной исследовательской стратегии, с чьей помощью был бы возможен научно корректный анализ сознания, включая область психического, в контексте исторической динамики русского общества того времени.

Отсюда, в работе ставятся следующие задачи:

- 1) Проанализировать современную отечественную литературу, посвящённую проблемам опричнины, с тем чтобы выявить как узкие места представленных интерпретаций, связанных с соответствующими методологическими установками авторов, так и тот концептуальный ресурс, который может быть использован для продуктивного решения проблем в русле предлагаемых междисциплинарных подходов.
- 2) В этом смысле особое внимание уделить границам и возможностям использования накопленного историографического багажа в плане решения проблем самосознания элиты, связи его эволюции с социально-исторической динамикой общества.

- 3) В таком же ключе проанализировать имеющиеся интерпретации личности Ивана IV в контексте процессов социальной трансформации общества в XVI веке.
- 4) Выявить причины актуальности нравственной проблематики в публицистике XVI века, поскольку характер осмысления этой проблематики может пролить свет на особенности самосознания элиты в контексте исторических изменений того времени.

Методологические основания исследования.

Исходя из того, что именно бессознательное является сферой преломления или опосредования реалий мира социальных связей и мира человеческого сознания, автор диссертации полагает возможным обратиться к тем междисциплинарным подходам, которые дают основание для их комплиментарного использования. Конкретная исследовательская стратегия, разрабатываемая в рамках томской историографической школы, строится на принципе системной комплектации привлекаемых концепций и методов других дисциплин, имеющих общий фокус (бессознательное) и дополняющих друг друга. Автор диссертации, не имея возможности в силу ряда причин использовать эту методологическую версию в полном формате, применяет ее узловыи блоки, основывающиеся на следующих методологических принципах:

- 1) Социоисторическая обусловленность сферы бессознательного как четко упорядоченной историческим стилем жизни общества матрицы социально-психологических установок сознания и поведения людей, формирующаяся в контексте опыта социальных групп и слоев;
- 2) Опосредованность изменений в системе ценностей, сознания человека теми изменениями, которые претерпевает сфера бессознательного в контексте социальных трансформаций,
- 3) Системная связь эмоциональных, психических реакций человека с меняющейся конфигурацией социоисторического и культурного пространства его деятельности

В этом смысле основополагающими методологическими концептами, дополняющими набор основных собственно профессионально-исторических методов исследования, будут концепции установки школы Д. Узнадзе, социального характера Э. Фромма, идентичности Э. Эриксона, габитуса П. Бурдьё, невротического характера К. Хорни.

Кроме подхода, разрабатываемого в томской методологической школе, автор диссертационного исследования привлекает для анализа опрочины и её исторического контекста идеи Г. Зиммеля относительно чуждости и концепцию маргинальности, введенную в оборот Э. Парком.

Имея в качестве методологического ориентира принцип сопряженности макроисторических реалий с микроисторической логикой их проявления, автор диссертации строит разделы, связанные с личностью царя по преимуществу в формате исследования межличностных отношений. Это не означает отказа от концептуальных установок, наработанных в рамках отечественной русистики макроисторических подходов, установок, которые, напротив, выполняют роль методологически регулятивных принципов исследования, поскольку ориентируют в понимании социальной природы происходивших процессов. Вместе с тем избранный ракурс позволяет обеспечить пластику работы с таким разноуровневым материалом как социально-исторический и культурно-психологический именно в том срезе межличностных отношений людей, где органично проявляется логика сопряженности «объективного» и «субъективного».

Источниковая база исследования. В связи с целями, задачами и методологическими основаниями производится и отбор источников. Историографические источники настоящего исследования представлены преимущественно научной литературой, различающейся лишь по жанрам (монографии, статьи, авторефераты диссертаций), характеру (специальные и более общие работы) и происхождению. Наиболее важными монографиями по теме являются работы С.Б. Веселовского, П.А. Садикова, А.А. Зимица, Р.Г. Скрынникова, С.О. Шмидта, В.Б. Кобрин, Д.Н. Альшица, Б.Н. Флори, диссертация Т.Ю. Назаренко, так как именно в них наиболее полно и последовательно отображены ключевые для историографии проблемы. Монографии А.Л. Хорошкевич, М.Б. Плюхановой, С.Н. Богатырева, А. Гробовского, А.И. Филюшкина, Н.М. Золотухиной, Н.В. Синициной, А.В. Каравашкина, А.Л. Юрганова, диссертации И.В. Курукина, работы, посвящённые социально-экономической проблематике, другим узким вопросам, лишь отчасти касаются собственно сюжета опрочины, но чрезвычайно важны для анализа методологических поисков отечественной историографии, анализа средневековой личности и исторического контекста. Проблемный ракурс данной диссертации позволяет не анализировать источники стадийно, не давать их исчерпывающую характеристику и не привлекать весь возможный корпус литературы, который действительно очень велик. Кроме научных работ здесь привлекается публицистическая литература эпохи Ивана Грозного, записки современников, в которых осмыслились происходившие тогда события.

Для полноценного анализа методологии и проверки выводов, предложенных отечественной историографией, обоснования новых подходов, в диссертационном исследовании был использован комплекс разнообразных исторических источников. Избранный здесь методологический ракурс направлен, прежде всего, на анализ письменных источников, на выявление мотиваций, ценностей человека, представленных текстовой реальностью, на поиск возможности углубления этого анализа с помощью новых подходов. Такое направление работы может позволить использовать публикации источников, не занимаясь специфическими палеографическими изысканиями и пользоваться традиционными переводами смысла текстов, обращаясь к историографическим работам. Методолого-историографический характер работы делает такой подход оправданным.

Задачи анализа настроения и мироощущения Ивана Грозного и его современников, с одной стороны, сужают круг интересующих нас источников, с другой стороны, этот круг гораздо более широк, чем в случае анализа общественного сознания. Так как мироощущение зависит и от экономической, и от социальной, и от психологической и политической ситуации, все эти факторы приходится учитывать или иметь в виду. Известные

ограничения накладывают и рамки исследования. Поэтому, вопросы, касающиеся землевладения, финансовой и судебной политики, разряды, писцовые книги и данные о составе двора будут привлекаться только в обработке различных исследователей, прежде всего П.А. Садикова, А.А. Зиминой, В.Б. Кобрина, С.Б. Веселовского, С.М. Каштанова, С.О. Шмидта.

Непосредственно рассматривается активный материал, связанный с конкретными личностными проявлениями, выявляющий установки и направления мысли его создателей: завещание Ивана Грозного 1572 года, приговоры соборов, архивы посольских дел, послания иностранным государям и представителям знати от имени русских князей, и самого Ивана Грозного. Основную массу сведений об опричных казнях можно почерпнуть из царских синодиков. В дополнение к активному материалу привлекается такой источник как «Домострой». Являясь литературным памятником, он может использоваться для анализа кодификационной работы того времени, наряду со Степенной книгой.

Одним из базовых источников по всему периоду являются летописи. Несмотря на то, что летописание постепенно приходит в упадок, в Новгородских и Псковских летописях, Пискаревском летописце, и Устюжском летописном своде, в Продолжении Хронографа 1512 года, содержится немало ценных сведений. Важным источником являются вставки в Синодальный список лицевого летописного свода и Царственную книгу, весьма актуальные для политической жизни XVI века.

Полемические сочинения наиболее важны для анализа мироощущения, настроения полемистов. При этом исследование полемических сочинений времени Ивана Грозного с неизбежностью требует привлечения и более ранних сочинений, в том числе выдающихся деятелей церкви, таких как Максим Грек, Иосиф Волоцкий, Макарий и др. В работе используется материал различных повестей и сказаний того времени. Большой интерес представляют и памятники светской литературной деятельности, как полемического, так и личного характера (И.С. Пересветов, Иван Грозный, Андрей Курбский и др.).

Значительную часть источникового материала представляют свидетельства иностранцев (И. Таубе и Э. Крузе, А. Шлихтинг, А. Гваньини, Г. Штаден, Д. Горсей, А. Поссевино).

Обобщая состояние источников, нужно отметить, что они не дают желаемой полноты материала, но достаточны для предварительных обобщений о возможностях применения новых подходов.

Хронологические рамки исследования охватывают преимущественно историографию с середины 1980-х годов по настоящее время, т.е. период наиболее интенсивной методологической рефлексии, посвящённой периоду конца XV – XVI вв.

Новизна исследования. Настоящая работа представляет собой первый системный опыт осмысления историографии опричнины в методологическом ключе, с обоснованием возможности новых исследовательских подходов. Самостоятельное значение имеет обобщение гендерных стереотипов эпохи и анализ динамики образа врага в XVI веке.

Структура исследования подчинена целям и задачам исследования. Работа состоит из введения, 3-х глав, заключения, списка источников и использованной литературы. Первые две главы посвящены контексту появления опричнины и историографическим спорам по поводу него. Третья глава посвящена собственно проблеме восприятия опричнины современниками эпохи и историками. В заключении даются основные выводы и результаты работы.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Во **введении** определяются актуальность избранной темы исследования, анализируется состояние научной разработанности, формулируются цели и задачи диссертации, даётся характеристика её теоретико-методологических основ, историографических и исторических источников, обосновывается её структура.

Первая глава «Проблема трансформации властных установок сознания в Русском государстве конца XV – середины XVI вв., в современной отечественной историографии» состоит из двух разделов.

В **первом разделе** - «Проблемы анализа социально-политического контекста развития Московского государства и эволюции представлений о власти в среде элиты XV в.», рассматриваются историографические и методологические проблемы, связанные с анализом социально-политического контекста развития Московского государства. В рассматриваемой историографии явно выявились два вектора рассмотрения социально-политического развития этого периода. С одной стороны, акцентируется внимание на процессе консолидации и централизации русского государства (А.Б. Мазуров, Ю.Г. Алексеев и др.), а с другой - отмечается развитие договорных отношений, процессы укрепления собственнических прав в вотчинных хозяйствах (Я.С. Лурье, С.Б. Веселовский). Отмечается сохранение и удельной системы, теперь уже в рамках Московского княжества (С.М. Каштанов). Анализ историографии позволяет прийти к выводу о противоречивости происходивших в стране процессов, невозможности их цельного объяснения без обращения к проблемам общественного сознания, мироощущения людей в целом. В этом плане обращает на себя внимание подмеченный исследователями факт, что, несмотря на постоянное укрепление власти московских государей, конкретное положение большинства из них было не стабильно (Я.С. Лурье). Далеко от стабилизации оказалось общество в целом.

В анализируемом историографическом контексте выявляется то историческое противоречие в социально-политическом развитии страны (укрепление центральной, в том числе великокняжеской власти, с одной стороны, и укрепление сословного статуса разных групп феодальной элиты, с другой), которое требует использования иных, нежели чисто социально-политических способов интерпретации. Другая проблема, вытекающая из анализа выявленных историками социально-политических тенденций, кроется в области изменившихся взаимоотношений

элиты и государя в контексте слома структурных связей периода феодальной раздробленности. Возросшая дистанция между формирующимися новыми централизованными структурами власти и трансформирующимся корпусом феодальной элиты находила отражение в характере осознания проблем ответственности власти. Выявленный пласт установок сознания свидетельствует об актуализации проблем моральной, нравственной ответственности власти государя.

Тесно связанной с предыдущими оказывается проблема внешнеполитического положения России в конце XV – начале XVI в. Корпус наработанных знаний по этой проблеме наиболее репрезентативно представлен трудами А.Л. Хорошкевич. Проанализированный исследовательницей историографический материал вскрывает важные связи между ростом экономики государства, упрочением экономических связей России со странами Европы, укреплением ее престижа, упрочением царской власти. Вместе с тем этот же материал провоцирует его переосмысление, так как интерпретация этих процессов в историографии нередко носит характер неких допущений, модернизирующих картину сознания тех, кто «делал» эту политику. В этом смысле представляется перспективным использовать ресурс, связанный с реконструкцией социально-политического пласта проблемы с характером осмысления их в понятиях человека той эпохи. Анализ историографического и эмпирического материала позволяет выявить синергию вполне земных, материальных потребностей различных социальных слоев русского общества и социально-психологических потребностей самого царя, осмысляемых в понятиях культурно-религиозного языка эпохи (И.Ю. Николаева).

Во втором разделе «Самосознание элиты и образ врага в русском обществе XV – XVI вв.», обращается внимание на сложившиеся в историографии мнения о принципиально различных позициях, отстаиваемых в публицистической литературе XV – XVI вв. При акцентировании политического строительства, подчёркивается, что одни из созданных тогда сочинений послужили обоснованием для самодержавной доктрины, а другие были направлены на противодействие самодержавию (Будовниц И.У., Зимин А.А., Лурье Я.С., Казакова Н.А.). Одни книжники придерживались ортодоксальных позиций, другие мыслили в гуманистическом направлении и т.д. В современной историографии диалог публицистов либо по-прежнему не признаётся (Н.М. Золотухина, М.Б. Плюханова), либо строится лишь на религиозных основаниях (А.Л. Юрганов, А.В. Каравашкин). Исключением является лишь работа С.Н. Богатырева, который рассматривает работы полемистов в рамках единой политической культуры. Проблема собственно заключается в том, что в зависимости от акцентов на те или иные идеи полемистов, их характеристика часто меняется в историографии на прямо противоположную. Такое положение имеет методологические корни, полемисты оказываются либо в жесткой зависимости от социально-политической реальности либо от самооценки истории идей.

А между тем новые концепции позволяют выявить более тонкие связи бытия и сознания. В разделе разворачивается методологическая перспектива реализации этой задачи. Показывается, что полемисты оказываются в рассматриваемое время перед лицом общих мироощущенческих проблем, связанных внешним и внутренним положением страны, попавшей в религиозную и политическую изоляцию. Они сталкиваются также с указанной выше нестабильностью властных отношений. В результате поиск идентификации полемистов и их аудитории пошел во многом по пути противопоставления, создания образа чужака. В посланиях и повестях второй половины XV в., сочинениях Максима Грека и Филофея формируется образ врага – латинянина, еретика, измаильянина и т.д. Анализ материала с помощью разных подходов позволяет говорить, что не только внешние враги оказываются актуальными для публицистов конца XV – середины XVI веков. Есть враги ещё худшие, внутренние. Главным признаком этих врагов называется предательство христианства. Борьба с ними заставляет полемистов занимать активную позицию в формировании общественного сознания. Поиск путей спасения православного царства, попытки выработать новые установки отношения к действительности – оказываются общими для всех полемистов того времени. Если взглянуть на всю совокупность диспозиций, занимаемых полемистами, хорошо заметно, что эта активизация общественной деятельности связана с быстрой трансформацией социума, необходимостью ответа на вызовы времени. Обращает на себя внимание общее представление об уникальности ситуации, в которой находится русская земля. Эта установка на исключительность всегда особенно характерна для маргинального мироощущения, для социумов в «исключительных» обстоятельствах, когда люди находятся в поиске новых способов социального взаимодействия. Таким образом, сочинения полемистов имеют гораздо больше общего, чем это признавалось в историографии. Дальнейшее применение междисциплинарных концепций позволяет снова поставить вопрос о развитии властных отношений в это время. По-видимому, в формирующемся русском обществе акцент постепенно всё больше смещается в сторону ведущей роли царя, в борьбе с многочисленными «врагами». С этим акцентом оказывается связано и формирование идеального образа царя. Подобно идеальной фигуре царя можно выделить идеальную модель сотрудничества, в которой задача полемистов – служба идее возвеличивания и укрепления роли государя как нравственного примера

Обращение к публицистике с помощью концепций бессознательного позволяет показать, что в сочинениях публицистов «врагом» царя, фигуры идеальной во всех отношениях, становится безнравственный человек, человек, потакающий своим низменным страстям. Конечно же, это положение применимо не только к царю, требования личной нравственности в отношении всех православных возрастают в сочинениях полемистов год от года. Но именно царь является наиболее символической фигурой. Неся на себе огромный груз ответственности за конкретное исполнение православия, он должен сам быть образцом христианских качеств. И в сочинениях полемистов враг персонафицируется, из внешнего превращается во внутреннего. Это не означает, что внешний враг больше не существует. Но он теряет отчасти своё прежнее значение, демоническое начало. Царь превращается в идеальное воплощение борьбы с внутренними врагами. Такой груз ответственности требовал от правителя высоких деловых и нравственных качеств, Кризис, связанный с неспособностью Ивана Грозного нести ответственность за положение страны, ещё больше усилил неопределённое, маргинальное положение царя и публицистов, толкавшее на усиленный поиск врагов. По-видимому, происходит рационализация негативных поступков правителя как спровоцированных лицами враждебными к трону. Ответственность, возложенная публицистами на царя, была столь велика, что

перечёркивала, перекрывала собой «идею» сотрудничества, не подтверждённую реальными социальными силами. Провал сотрудничества, которое рассматривается в историографии как конец политического компромисса сторонников самодержавия и его противников, с позиций междисциплинарного подхода может рассматриваться как выражение несоответствия идеала и реальности, провалом попытки достижения гармоничных взаимоотношений. Этот провал, был во многом следствием «исключительных обстоятельств», расхождения между централизаторскими тенденциями и уровнем социально-экономического развития, отсутствия устойчивых властных традиций нового типа. В условиях нравственных метаний происходит эволюция от внешнего к внутреннему врагу, поиск которого и противопоставление ему, стали основой формирования нового общественного самосознания. Внутренний враг становится тем более актуальным, чем меньше ресурса (социального, экономического, политического) было для удовлетворения запросов различных общественно-социальных сил. Новые актуальные установки, появившиеся в условиях вызова внешней угрозы, конфессиональной изоляции, изменений в экономике и государственном управлении, привели к ускоренному, модернизаторскому процессу трансформации коллективного самосознания, с большой долей идеализации властной сферы, завышенными имперскими амбициями, что не могло не привести к кризису центральной власти. Этот кризис заключался в растущем противоречии складывающихся властных установок к сфере морали, олицетворявшей представления о должном широких слоёв элиты русского общества.

Показательно, что эволюция образа врага тесно связана с социально-экономическим и социально-политическим контекстом того времени. Выявить эту связь напрямую существующий багаж подходов не даёт. Однако возможности для этого имеются, более того сделаны и первые шаги в данном направлении. Так И.Ю. Николаевой предлагается гипотеза, в рамках которой актуализация образа врага внешнего, «латинянина», и соответственно связывание упований на его наказание со стороны истинного и единственного защитника православного мира – государя, рассматриваются как результат дававшей о себе знать потребности ряда социальных слоёв (купечества, связанного с транзитной торговлей, дворянства, заинтересованного в приобретении земельных наделов). Неслучайно, Сильвестр и Адашев, люди олицетворявшие эти слои, на начальном этапе выступали сторонниками Ливонской войны. Не санкционируемое на религиозном языке эпохи стремление к стяжанию, свойственное и русским сословиям, скажем, купцов, находило своеобразную «защиту» в психологических механизмах переноса, когда эти стремления приписываются исключительно другому – в данном случае иноверцам – европейцам. Одновременно оно же провоцировало и соответствующую культурно-религиозную мотивацию собственной потребности в борьбе с этим врагом-конкурентом.

Здесь же намечена перспектива ликвидации историографической лакуны между традиционными интерпретациями изменившегося положения дворянства, его актуализировавшегося стремления к захвату земель в условиях роста самого сословия и военной экспансии, и новым материалом, демонстрирующим появление в публицистике темы врага внутреннего. Инвективы И. Пересветова в адрес богатых вельмож, чья лень погубила Византию, упования на справедливость и «грозу» царя, которому надлежит восстановить «правду», похвалы «военникам» Османской империи, чей ратный труд на эзоповом языке текста проговаривается об интересах, которыми были движимы члены служилого сословия дворян, органичны логике таких механизмов проявления внутрисословной борьбы. В рамках подобного рода подхода вырисовывается возможность наведения мостов между знанием, наработанным в рамках традиции анализа коренных социальных интересов сословий и теми идеологемами, в данном случае «врага», которые даёт анализ текстов полемической литературы. Очевидно, что такой формат исследовательской стратегии наиболее эффективно реализуем в случае работы на исследовательском уровне межличностных отношений, который позволяет в наибольшей степени реализовывать постоянное фокусирование двух аналитических пластов – макроисторических построений, например теории борьбы боярства и дворянства, и микроанализа, скажем текстов И. Пересветова. Именно этот формат, позволяющий избежать модернизации сознания людей той эпохи, и представляет собой серьёзную исследовательскую перспективу уточнения исторической пластики происходивших процессов, когда социально-психологическая напряжённость общества, вылившаяся в поиск «козла отпущения» послужила почвой развертывания опричных репрессий.

Вторая глава «Особенности становления личности Ивана IV в социо-историческом контексте» состоит из двух разделов.

В первом разделе «Обретение царя и царства. Социально-психологические особенности становления личности Ивана IV в контексте междисциплинарных методологий» анализируется круг литературы в отечественной русистике, связанный с личностью царя, его становлением в качестве реальной властной фигуры в русском государстве. Этот анализ даёт основания для вывода, что существующие в отечественной историографии методы исследования средневековой личности нельзя признать удовлетворительными. Либо анализ ставится в прямую зависимость от социально-политического контекста, в котором вращается средневековый человек, либо вопрос уводится в сторону чисто интеллектуального поля, находящего отражение в письменных источниках. Именно отсюда выводится понимание боярского правления как реакционной силы, не дающей править желающему это делать государю. В новейшей историографии делается корректировка этого положения в пользу того, что боярские притеснения во время детства Ивана IV, были отчасти его поздним домыслом (Р.Г. Скрынников, Б.Н. Флора). Развивая эту мысль с опорой на источники, концепции Э. Эриксона и Э. Фромма, можно сделать вывод о боярском засилье как рационализации таких черт характера Ивана как неуверенности, склонности подчиняться, компенсировавшихся позже агрессивностью и болезненной акцентуацией своего достоинства. Иван долго не желал заниматься государственными делами, так как представление о собственном величии приходило в противоречие с его психологической неуверенностью. Причем социальный характер великого князя формировался отнюдь не вразрез, а вполне в русле той социализации, что предлагало знатной молодёжи общество, находящееся в постоянном напряжении. Междисциплинарный подход позволяет увидеть, что несовершеннолетний Иван оказался также в ситуации, весьма двойственной относительно гендерных стереотипов того времени. С одной стороны, он становился формально великим князем, то есть

квинтэссенцией маскулинных черт, которые, в княжеской среде, были связаны, более всего, с доминированием и самостоятельностью. А с другой, он оказался в подчинённом, зависимом от бояр положении. Такие черты характера как любовь к сквернословию, гордость и своенравность, коварство, отнюдь не вписывались не только в число христианских добродетелей, но и в тот образ маскулинности, который складывался в Московском царстве. Поведение царя пришло в несоответствие сложившемуся образу христианского государя, а соответственно и образу мужчины.

Таким образом, покаяние, изменения образа жизни Грозного после 1547 г. можно связать как с политическим курсом новых царских советников, так и с попыткой достичь соответствия с идеальным образом царя. Заслуживает внимания методологический аспект подхода А. Гробовского, считающего всемогущество Сильвестра материализацией фантазии Ивана. Если углубить этот подход с помощью концепций бессознательного, то окажется, что «материализация» это не отменяет значимости для сознания царя фигуры Сильвестра как воплощения качеств, которыми Иван IV обладал в наименьшей степени. Многие ближайшие советники царя (Адашев, Макарий, Висковатый) демонстрировали высокие моральные и мужские качества, которых так недоставало Ивану IV. На первом плане сотрудничества Ивана и его советников была задача укрепления нравственного облика и авторитета царя. Именно благодаря усилиям советников осуществлялось укрепление центральной власти. Этот вывод заставляет более осторожно отнестись к традиционному тезису об «Избранной раде» как правительстве политического компромисса. Советники не претендовали на ограничение царской власти, а лишь пытались привить ей высокий нравственный облик. Но соответствие моральному идеалу давалось царю только путём подчинения в силу специфики авторитарного характера личности тогдашнего времени, акцентированного условиями социализации царя в детстве. Отчасти в силу этого оказался неизбежным и последующий разрыв с Сильвестром и Адашевым, во многих психологических основаниях определивший и кризис идентификации царя с идеальным образом благочестивого христианского правителя, который был выделен С.Н. Богатыревым. В разделе показывается, что реальные черты и влечения царя, объем и социальный базис приобретаемой власти, приходили в противоречие с создаваемым полемистами и советниками идеалом.

Во втором разделе «Кризис государственного строительства и идентичности первого царя», поднимается вопрос о действительных причинах кризиса во взаимоотношениях царя и его ближайшего окружения, о том, как это было связано с проблемами государственного строительства. В исторической литературе важное значение придаётся событиям связанным с болезнью царя в 1553 году. Эти события расцениваются то как измена (С.Ф. Платонов), то как попытка дворцового переворота (Р.Г. Скрынников и др.). Роль Сильвестра и Адашева в этих событиях наиболее сложный вопрос. Используемый методологический ресурс позволяет рассматривать обвинения ближайших советников - Сильвестра и Адашева - как обвинения воздвигнутые задним числом. Цель этих обвинений видится в попытке оправдания последовавшего разрыва с советниками.

Заслуживает внимания вопрос о Ливонской войне, так как разрыв царя со своими советниками часто связывают именно с расхождениями во взглядах на внешнеполитическую деятельность. Методологическим ориентиром, в данном случае, служит представление о базисности социально-политических факторов для исторического процесса, о которых речь шла в первой главе диссертации. В то же время анализ источников и новейшей историографии позволяет сделать вывод, что на первом этапе эта война не представлялась чем-то особенным, рассматривалась в обычном типологическом ряду. Что касается причин войны, как их понимали современники, то в большинстве названных источников и в ряде современных исследований (А.Л. Хорошкевич, С.Н. Богатырёв) вырисовывается значимость явлений символического характера (вопрос о титулатуре, борьба с ересью латинян). Если говорить о мотивах царя, то война была связана больше не с политическими или символическими целями и задачами, а с самоутверждением царя, целью, которую преследовали и многие послания Ивана Грозного, что выявляют современные исследования темы (Б.Н. Флоря). Другое дело, что личное властное самоутверждение Ивана IV, подпитываемое психологическими комплексами его социализации, нашедшее благодатную почву для своей реализации после Казанской победы, осмысливалось царем в понятиях избранности Богом, идиологемах величия власти русского государя как наследника Пруса и т.п. идеях, наработанных культурной традицией. В рамках такого подхода вырисовывается перспектива органичного сопряжения психологических мотиваций царя, обусловленных его личным опытом, исторических причин возникновения войны и понятий в которых она осмысливалась (И.Ю.Николаева).

Что касается отношения к Ливонской войне со стороны царя и аристократии, то суть их разногласий на первом этапе войны, обозначенная в современной историографии А.Л. Хорошкевич, представляется нуждающейся в уточнении. Есть основания считать, что отнюдь не только сам вопрос о войне стал причиной трений между царём и его советниками. Можно предположить, что здесь сработал механизм замещения, когда давление Сильвестра на царя, после приобретения последним независимости, рассматривалась как враждебность ко всем его начинаниям. Следовательно, поводом разрыва с советниками могли быть поражения в Ливонии, но причины были гораздо глубже. Обращает на себя внимание факт, что разрыв с советниками был обставлен обвинениями в колдовстве, весьма сходными с теми, что предъявлялись семье царя в 1547 г. Вероятно, у Грозного начала выкристаллизовываться мысль о том, что добродетель его советников не является истинной, если противоречит интересам самого Ивана. Усвоив собственную греховность и слабость, откидывая, как «лукавую», опеку Сильвестра, Грозный оказывался в неопределённом положении. Начавшиеся гонения обставлялись заочным, а значит неправедным судом, изоляцией опальных, атмосферой пиров и разрушения прежней «умеренности», в том числе в гендерном плане, что подтверждает связь между гендерным кодом и психическими механизмами защиты, которые проявляются не только у Грозного.

Тенденция к усилению внимания на внутреннего врага может быть увидена в написанном на злобу дня первом послании Курбскому. Однако анализом одних высказываний нельзя создать законченную характеристику личности, что подтверждают разногласия, возникшие в историографии. Так А.В. Каравашкин усматривает в послании идею

христианской жертвенности царя, а М.Б. Плюханова сюжет драмы сыноубийства, жертвоприношения, противоречащего христианским идеалам. Данный вопрос может быть разрешён только путём обращения к действительному поведению царя в это время, всему историческому контексту, с помощью социально-психологических концепций. Это обращение позволяет утверждать, что Иван более интересовался личной судьбой, чем судьбой тех, кто может безвинно, то есть праведно, погибнуть. Можно утверждать, что проблемой Грозного были не определённые акцентуации (Т.Ю. Назаренко), а внутренняя неопределённость, динамизм мировосприятия, характерный для людей, попавших в ситуацию трансформации социального организма и находящихся на её острие. Изменив ракурс исследования послания, мы видим, что накануне введения опричнины, царь представлял Московское государство как единственное христианское, себя – «строптивым владыкой», поставленным богом, в окружении врагов «сетями полицающими». Ссылаясь на свою исключительность и, одновременно, на слабость, Грозный утверждал право поступать согласно своим желаниям, пытаясь легитимизировать своё поведение, превратить его в норму традиционными способами, то есть запугиванием и репрессиями. Но так как Грозный утверждал не только своё право на власть, что воспринималось современниками совершенно естественно, но и право на иные моральные и культурные нормы, а точнее на их неопределённость, то и способы их утверждения могли быть гораздо более жесткими и многообразными.

Третья глава «Опричнина» состоит из четырёх разделов.

В первом разделе «Восприятие опричнины в русском средневековом социуме», анализируются историографические точки зрения по поводу учреждения и сути опричнины. Демонстрируется, что буквальное прочтение источников порождает много проблем и историографических ошибок, возникают сложности выбора их корпуса. Кроме критики тенденциозности, существует и чисто методологическая проблема выбора внешних или внутренних источников. В случае доверия внутреннему, говорящему о себе источнику, существует опасность подмены реальности представлением о ней историка или участников событий, например Грозного, что может привести в обоих случаях к модернизации истории. И историк может обманываться дважды – поверив лгущему царю и поверив царю говорящему правду. В случае доверия сторонним свидетельствам об опричнине имеются свои подводные камни. В результате может быть потерян тот смысл, что вкладывался в неё учредителями. Но здесь имеются и свои плюсы. Любое мероприятие царя может быть рассмотрено как диалог с теми, кому оно адресовано. В результате смыслы, которые вкладывал в свои действия и слова первый русский царь, имеют наибольшее значение тогда, когда поняты и восприняты окружающими. С этой точки зрения, используя социально-психологические наработки предыдущих глав, и рассматривается опричнина. В свете этого подхода можно отметить, что находясь в кризисной, неопределённой, приведшей даже к соматическим расстройствам, ситуации, Грозный сумел поставить в такое положение и жителей Москвы, не представлявших себе возможность царства без царя. Итогом было всеобщее согласие признать за царём полное право казнить и миловать, отказ от всех прав, в том числе и заступничества. Опричнина, каково бы ни было её внутреннее устройство, уже в самом названии несла ряд негативных коннотаций, усиливающихся в связи с фактом раздела страны.

Тезис советской историографии по поводу опричнины как борьбы с крупным землевладением и пережитками удельной системы, будучи дополнен выводами, сделанными с помощью социально-психологического подхода, позволяет увидеть опосредованную связь между явлениями, говорить о борьбе скорее с традицией, определённым порядком, который поддерживала знать. А вот эта традиция уже была тесно связана с земельными отношениями. В обстановке такой борьбы царь и желал всенародной поддержки (Д.Н. Альшиц), и отчасти был против неё, так как был уверен в наличии множества врагов, уже пошёл на беспрецедентные меры борьбы с ними и желал не примирения, а именно казней. Выступления церковных иерархов, знати после Собора 1556 года, слухи о возможном восстании свидетельствуют о неприятии самого явления опричнины, даже в смягчённом виде. Большая часть возражений носила нравственный, а не политический характер, как это было принято считать в историографии (М.И. Тихомиров, А.А. Зимин, Р.Г. Скрынников и т.д.). Хотя несомненно, что нравственные требования зачастую коренились и в политических интересах сословий. Характерно, что немцы-опричники описывают деяния Грозного в оппозиции «порок – непорочность», присущей и русской житийной литературе того времени. Можно предположить, что именно такой взгляд на государя был весьма распространён среди современников. Далёкие, в большинстве своём, от политических идей, они оценивали деятельность других, прежде всего, с точки зрения христианских идеалов. Но эти оценки были актуализированы ущемлением их прав и свобод. Казни людей, известных своей праведностью, благочестивым по определению царём, подрывали самые основы мироощущения людей. Эволюция общественного настроения за годы опричных репрессий шла от недоумения и попыток исправить положение, до полной покорности, когда только юродивый осмелился выступить против казней. Отмеченная в источниках покорность может быть объяснена через концепцию Э. Фромма, который утверждал, что в условиях разрушения традиционного социума, человек стремится отказаться от обретаемой свободы и найти новую форму защитной зависимости. Можно здесь увидеть и несколько иную логику. Логика поиска определённости. В любом случае, только междисциплинарный подход может дать по настоящему глубокое видение впечатлений от опричных репрессий и погромов.

Во втором разделе «Особенности опричного режима и положения опричников» делается попытка рассмотреть внутренний мир опричнины, как явления связанного не только с политикой и идеологией, но и психологией входивших туда людей. Анализируя качества, которые должны были быть у не вызывающего подозрения опричника, можно сделать вывод, что атмосфера вокруг царя выдвигала на первый план людей с совершенно определёнными чертами характера, многие из которых при другом дворе были бы жестоко порицаемы. Исследованный материал позволяет утверждать, что не преданность, а безоговорочная покорность произволу были основным фактором приближенности к царю

Социально-психологический инструментарий концепции авторитарного характера Э.Фромма дает возможность приблизиться к пониманию природы этого типа. Компенсаторное для такого типа сознания стремление к

подчинению, было акцентировано самими условиями социального кризиса. Возрастание социально-психологической напряженности, усиление властных прерогатив царя, в ситуации исторически слабой закреплённости установок самосознания и самоуважения сословий, облегчило нравственно-психологическую деформацию сознания и поведения в тех сегментах общественных групп, идентичность которых носила наиболее спутанный характер. В такой историко-психологической перспективе снимается проблема жесткой сословной привязки групповой идентичности опричников (см. споры о том, из какой среды формировался данный слой). Вместе с тем в рамках этой перспективы проявляется социально-психологическая природа «бесправия» и самих опричников. Опасная близость к царю, в условиях нарастания духовно-психологической деформации общества, значительно повышала риск и для них быть оклеветанными, ограбленными и казнёнными. Доказывается, что для начала казней в среде опричников, появление противоречий между ними и царем было вовсе не обязательно, как это утверждается иногда в историографии. При этом ответственность царя в глазах опричников может только возрастать. Но меняются акценты. Если раньше это была ответственность за мир и согласие, за нравственное совершенствование, то теперь – за нарушение заповедей, традиций и за кровь. Мы можем зафиксировать, как меняются сами установки, которыми руководствовалась элита. Концепции Д. Узнадзе и Э. Эриксона позволяют говорить о том, что позитивность идентичности придаёт социальное подтверждение. Опричники же не могли надеяться на одобрение своих жертв. По мере развёртывания опричного террора и увеличения количества опричников в их среде можно заметить рост таких черт, как порождённая безнаказанностью беспринципность и страх. Кровавая развязка взаимоотношений двух главных опричников (Грозного и его сына), свидетельствует о том, что само явление опричнины порождало и привлекало не только определённый психологический тип людей, не только создавало определённые взаимоотношения, но и имело свою собственную динамику развития, в которой изначально была заложена тенденция к саморазрушению.

В третьем разделе «Проблематика смеха в опричнине» рассматриваются как общие теории смеха (М.М. Бахтин, Л.В. Карасев, А.Г. Козинцев, С.С. Аверинцев, Р. Генон), так и теории русского средневекового смеха (Д.С. Лихачев, А.М. Панченко, Ю. Лотман, Б. Успенский), способные облегчить понимание смеховых элементов опричнины. В работе рассматривается факт отличия смеховой культуры на Западе и на Руси, где так и не появились карнавалы. Можно было бы предположить, что на Руси христианские установки относительно смеха были более ригористичны. Но тогда как объяснить факт смехового поведения у опричников Ивана Грозного? Царь самодично создал шутовской монастырь, несомненно, пародировал церковную службу, устраивал несовместимые с его положением потехи, сопровождающиеся пытками и убийствами. А.Л. Юрганов считает, что монашеская близость к Богу не противоречила осуществляемым опричным наказаниям. Однако факты убийств в церквях, опозоривание митрополита Филиппа именно в церкви, а также нарушения принципов монастырского жития, заставляют подозревать, что именно такое противоречие было одной из, возможно не осознанных, целей Грозного. Выявленные исследователями, в частности Я.Н. Любарским, аналогии такого поведения властителей, ставят вопрос о психологическом и культурном механизме этого смеха. Большинство исследователей пытаются найти корни карнавализации в архаичной традиции, в язычестве. Отсюда вывод, что агрессивность и «натуральность» карнавализации свидетельствует об архаичности общества. А.Г. Козинцев отрицает такую связь, считая, что агрессивность праздника связана с давлением культуры, общественных противоречий. Это положение наталкивает на вывод, что агрессивность или не агрессивность смеха будет зависеть не от его архаичности, а от конкретной социо-психологической ситуации, конкретного психологического состояния индивида или группы, а также, от предполагаемой угрозы извне. Смех опричников ярко выражено агрессивен, что является одним из выражений его невротизации. Заслуживает внимания театрализация действия опричников, с одной стороны разыгрывающих спектакль обратного, левого, дьявольского поведения, а с другой, вовлекающих в эту «игру» самих зрителей. Все шутовство Грозного, в том числе посаженный на царство Симеон Бекбулатович, любовь к скоморохам, - говорят о спутанности идентичности царя. Используя социо-психологические концепции, в том числе и созданные для анализа смеха, можно сделать вывод, что Иван, чувствуя свою слабость и переполняемый низменными влечениями, а также желая утвердить себя и свое самодержавие, пошёл на смеховой фарс. И пошёл не только из желания унижить окружающих, но и, используя возможности смеховой традиции, перевернул мир, желая дать себе, наконец, волю в действиях, неосознанно стремясь утвердить самого себя в своих низких проявлениях, посметь освободиться от мнимого зла вовне или, вернее, от страха перед этим злом, большой кровью. Таким образом, царь выбрал путь, который благодаря особенному внутреннему напряжению верхов власти в данное время, особенностям биографии и характера Ивана IV, был наиболее приемлем для утверждения власти, выплеска наружу собственного «я». Немаловажно и то, что это нарушение инертного, но напряженного течения жизни нашло отклик в дворянской среде, где бытовали схожие представления о смехе.

В четвертом разделе «Личность царя в контексте существования и отмены опричнины», делается попытка рассмотреть фигуру царя в контексте исторической динамики опричного режима. Оценка личности Ивана исследователями обычно проистекает из определения последствий его деятельности и, зачастую, получается так, что террор проистекал из его отрицательных эмоций, а реформы были плодом его незаурядного ума. Имеет смысл попытаться рассматривать действия Грозного как отражение интересов цельной личности, реагировавшей на окружающую действительность. В этом плане перспективно выглядит развитие тезиса С.Б. Веселовского об изменении личности Ивана Грозного в зависимости от того, как менялась сама природа феномена опричнины. В частности обращает на себя внимание тот факт, что по мере того как набирали оборот жестокие эксцессы опричнины, все проблематичней становились отношения Ивана с Богом. В современной литературе наметилась довольно устойчивая тенденция интерпретировать сознание царя как глубоко верующего христианина, отождествляющего себя не то с Богом, не то с архангелом Михаилом (А.Л. Юрганов, А.М. Панченко и Б.А. Успенский). На отождествление царя с архангелом Михаилом указывает и С. Богатырёв. Безусловно, нельзя отмахнуться от выявленных авторами библейских аналогий и символов в высказываниях и поступках царя. Но встает вопрос, почему библейские идеи и нормы сплошь и рядом попираются им? Недоумение снимается, если допустить, что данная религиозная риторика

являла собой способ защитной рационализации, дающей возможность снять психологический дискомфорт от несправедности социальных действий, неосознанный способ оправдания себя и своих действий на религиозно-культурном языке эпохи.

Специального внимания заслуживают вопросы морально-нравственной сферы взаимоотношений царя и окружения, того как они интерпретируются в историографии. Оценочные характеристики встречаются даже у исследователей совершенно далёких от основных историографических споров. Так, В.В. Калугин, считая конфликт Курбского и Грозного культурным, противопоставляет их друг другу, приписывая первому «идеал прекрасного как гармонии». Соответственно, второй выглядит менее симпатично. Характерно желание ряда историков (А.А. Зимин, В.Б. Кобрин, А.Л. Хорошкевич, А.В. Каравашкин, А.Л. Юрганов) вписать главного опричника в семью западных государей, среди которых Грозный «не выглядел бы исключительным нравственным уродом». Отмечаемые исследователями параллели между европейскими раннеабсолютистскими правителями и образом Грозного, параллели как собственно исторического, так и социально-психологического плана, не снимают вопроса о психоинтеллектуальной и нравственной уникальности личности русского царя-«тирана» (И.Ю. Николаева). Отрицать несправедливость жестокости царя, проявившейся в целом ряде исторических эксцессов опричнины, с деяниями западных монархов не представляется возможным. Слишком различаются они по масштабам и характеру. В разделе формулируется мысль, что для характеристики сознания царя необходимо более пристально анализировать эволюцию воззрений Ивана с 1547 года. Отягощённое проблемами властвования, сознание царя пошло по пути уже, собственно, проложенным публицистами, освящённым примерами из восточных деспотий. Проблема нравственности становилась заботой власти. Нравственность становилась прерогативой самой власти, проявлялась в преданности царю, покорности его произволу. Соответственно на земле единственным критерием истинно верующего человека являются не абстрактные добрые поступки, а подчинение воле царя. Вместе с тем эта эволюция сознания имела под собой и соответствующую социально-психологическую подоплеку, связанную с сознанием личности, имеющей выражено авторитарную структуру сознания, которое нравственно деформировалось по мере развертывания опричного режима.

Отдельно рассматривается вопрос о причинах отмены опричнины. В разделе выдвигается предположение, что отмена опричнины была связана с кризисом идентичности царя. Иван оставался уверен в собственной исключительности, но больше не был уверен в том, какой образ он должен разыгрывать, какую линию поведения выбрать в отношении своих подданных. Неудачи опричного режима привели к тому, что он оказался в ещё большей неопределённости относительно сферы морали, служившей фундаментом взаимоотношений людей в это время. Можно предположить, что при необходимости формальной отмены опричнины, реально она не могла быть окончательно отменена, по причине того, что не решила проблемы, которыми была порождена, но превратилась в прецедент формы поведения в маргинальной ситуации.

В заключении излагаются основные выводы исследования:

- анализ отечественной историографии позволяет говорить о том, что нынешнее состояние исследовательской практики в области изучения феномена опричнины, с одной стороны, свидетельствует о принципиальной значимости большей части концепций, существенным образом продвинувших науку в понимании как макросоциальной основы генезиса опричнины, так и конкретно-исторического контекста ее бытования, с другой показывает необходимость использования инструментария таких дисциплин, как психология, психоанализ и т.п. для корректной реконструкции внутреннего мира человека тогдашней эпохи.

- наметившийся в конце XX – начале XXI вв. историко-антропологический сдвиг в дисциплине способствовал появлению новых знаний об эпохе, в особенности в плане реконструкции категорий русского религиозно-культурного сознания, символических форм, в которых осмысливалась в то время действительность. Вместе с тем исследования этого плана оказались уязвимыми с точки зрения увязки изучаемой картины мира с социальными практиками, равно как и сферой социальной психологии, опосредующей мир объективных связей и того, что именуется субъективной реальностью.

- существующие как в мировой, так и отечественной науке концепции анализа личности, фокусирующиеся на сфере бессознательного, будучи использованы в режиме взаимодополняемости могут во многом преодолеть методологические трудности, связанные с анализом личности как сложной интеллектуально-психологической структуры, формирующейся и меняющейся в контексте социальной динамики времени.

Апробация и практическая значимость результатов исследования

Положения работы обсуждались в ходе региональной (1999) и всероссийских (2000, 2002, 2003) конференций в Томском государственном университете, всероссийских конференций в Московском педагогическом государственном университете (2002, 2001), выступления на летней школе «Drecura» (EHES-CNRS, Париж, 2003).

Результаты диссертационного исследования имеют практическую значимость для исследователей отечественной истории XV – XVI вв., специалистов по методологии исторической науки. Кроме того, они могут быть использованы при чтении общих и специальных курсов по истории Отечества, отечественной историографии, источниковедению и методологии истории.

Основные положения диссертации опубликованы в следующих статьях:

1. Сайнаков Н.А. К вопросу о психосоциальном кризисе в России конца XVI – начала XVIII вв. // Феодальное общество: идеология, политика, культура. Материалы II всероссийской конференции студентов, аспирантов, молодых учёных. (Москва, 9-10 апреля 2001 года). – М.: 2001. С.144-149
2. Сайнаков Н.А. Маргинальность, – неопределённость, или элемент структуры? // Катановские чтения-2001 (тезисы докладов дней науки). – Абакан: Изд-во Хакасского ГУ им. Н.Ф. Катанова, 2001. С.112-114

3. Сайнаков Н.А. Общекультурологическая концепция смеха и исторический анализ маргинальности (по материалам медиевистики). // Методологические и историографические вопросы исторической науки: Сб. статей / Отв. ред. Б.Г. Могильницкий. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. - Вып. 26. С.101-113
4. Сайнаков Н.А. Раскол русской церкви в свете различных методологических концепций. // Европейские исследования в Сибири. Вып. 2. Материалы региональной научной конференции 10-11 декабря 1999г. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. С.101-105.
5. Сайнаков Н.А. Московское царство в поисках врага. Идеалы и реалии формирования идентичности элиты русского общества в XVI в., по материалам полемических сочинений. // Ежегодник историко-антропологических исследований. 2003. – М.: ЭКОНОМ-ИНФОРМ, 2003. С.101-114.
6. Николаева И.Ю., Сайнаков Н.А. Гендерные установки сознания и поведения в русском обществе XVI в.: Феномен Ивана Грозного. // Гендерная идентичность в контексте разных историко-культурных типов: стратегия и методика гендерного образования. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. С.57-75